

Я знал его со времён своей литературной молодости. Он со мной познакомился много позже. Конечно, слышал обо мне, знал о моём существовании, но при встречах мы оставались чужими друг другу, и, кажется, даже не здоровались. Хотя мне случалось как-то бывать в его мастерской в Кузнецихе. Случай тому оказался примечательным — Шихов закончил работу над портретом писателя Валентина Николаева, моего учителя в литературе, пригласил на первый показ в мастерскую героя картины и ещё некоторых своих близких друзей. Перед этим Валентин Арсеньевич случайно повстречал меня в особняке Горьковского отделения Союза писателей СССР, и зазвал с собой. Так я впервые и оказался «непосредственным гостем» у Кима Ивановича. Позже напоминал ему об этой встрече, но художник вспомнить о ней так и не смог.

Всё изменилось на одном из осенних вернисажей нижегородских художников в выставочном зале на площади Минина и Пожарского. Тогда я подарил Шихову выпуск журнала «Вертикаль. XXI век» с предложением поместить на обложке следующего номера репродукции его картин. Очень скоро Ким Иванович позвонил, позвал к себе в мастерскую, много благодарил за журналы, которые прочитал «от корки до корки», захотел на «Вертикаль. XXI век» подписаться. Позже Шихов не раз утверждал, и даже указывал в дарственных подписях, оставляемых на его художественных альбомах, что именно я вернул его к чтению, от которого он за годы «разгула в стране демократии», как и множество других людей, отвык. Хотя с ранних детских лет много и увлечённо читал.

После первого настоящего знакомства мы стали часто встречаться, многими часами разговаривать, сидя за длинным столом в мастерской художника. Расставались ближе к полночи. Да так, что порой мне приходилось идти домой с площади Советской за Оку многие километры пешком по пустынным зимним улицам Нижнего, нёся в руке подаренный Кимом этюд. Хрустел под ногами промороженный снег, молчаливые высокие стены кремля сонно высились над глубокими обрывами съездов и гулко возвращали мне звук моих же ночных шагов. Заснеженная равнина Волги бесконечным белым полотном расстилалась вдаль под лунным небом с далёкими огоньками звёзд. И всё это было так созвучно недавно произносимым словам, что ещё неведомо как жили и звучали во мне: о русской истории, о нашей выдающейся культуре, о незабываемой красоте русской природы, которую так любил писать на холстах художник, подписывая их тремя буквами — Ким.

Перед глазами моими стояли, словно отражаясь на снежном волжском просторе, рассматриваемые часом раньше картины ветлужских обрывистых берегов, соловецких заливов, архитектуры старинных русских городков с их церквями и монастырями, купеческими особняками и посадскими избытками...

Тогда ещё не были мне подарены Шиховым те картины, которые я теперь бережно храню: «Небесный свет», 2010 (написанную под впечатлением посещения села Вельдеманова — родины Патриарха Никона и села Григорова, связанного с рождением Аввакума) и «Преддверье весны. Валаам», 2014. Ещё не был им написан триптих «Памяти Серафима Саровского», 2014. Но всё это как бы невольно предчувствовалось мною, восторженно переживалось. Потому ни холод, ни долгая дорога не утомляли.

Останавливались у обочины редкие такси, предлагали подвезти. В ответ я весело махал рукой — не надо. Мне не хотелось разрушать в душе того доброго и праздничного мира, что воцарился в ней. Таким миром одаривало меня в те годы общение с Кимом Ивановичем.

Кстати, дарил он свои работы только красиво оформленными хорошим багетом.

Был у Шихова маленький этюдник, на котором он писал, держа его на весу, в руке. Удивительно яркие, сочные в красках, эмоциональные работы, написанные на этом этюднике, сам художник называл «записными книжками» — видимо из-за малости размеров и из-за «запечатлённого мгновения». Их много было, подобных записных книжек, в мастерской Кима. Он использовал этот рабочий материал для создания своих больших картин.

В особые моменты расположения мы смотрели, забирая от стены, картины, написанные художником в шестидесятые годы прошлого века и недавно завершённые.

— Я тебя будто всю жизнь знал, — не единожды говаривал мне Шихов, сам удивляясь на ту лёгкость, что возникла в нашем общении.

Ким Иванович не был рассказчиком, которого заслушаешься. Но прожитая им жизнь вместила в себя столь многое, что об этом как не повесть, а всё окажется интересным. Все исторические перипетии страны вобрала в себя биография художника. Родившись в глуши Архангельской губернии, он в итоге поступил в Горьковское художественное училище, затем окончил художественную академию в Ленинграде. Вернулся преподавать в родное училище. Со временем возглавил Горьковское отделение Союза художников.

Наслушавшись рассказов Шихова о прожитом и пережитом, я однажды предложил Киму Ивановичу записать с ним интервью. Он согласился, да всё как-то откладывалось и откладывалось это дело. То у меня заботы, то ему некогда. А потом и вовсе пришла ему мысль написать мой портрет. Долго он меня с этим мучил, заставлял позировать, фотографировал. Просил никому о задумке не говорить: «Вдруг ничего не получится». Да я и сам не поминал, что за сюжет, композиция сокрыта в памяти художника.

Однажды Шихов позвал меня к себе в деревню, что недалеко от города, опять же позировать — видимо задуманная работа не давала ему покоя. Я согласился приехать, но с условием, что запишу с ним давно

На снимке: Валерий Сдобняков и Ким Шихов у картины «Над речным простором. Портрет писателя Валерия Сдобнякова», Нижегородская область, д. Бурцево.

обещанное интервью. Так мы и поступили. Ким Иванович занимался своим делом, я своим. В итоге получился большой и откровенный разговор о нелёгком жизненном пути всякого человека, о творчестве, о честности перед собой, своей совестью.

Когда я с диктофона расшифровал беседу, то понял — в одном номере такой объём текста не опубликовать — слишком велик. Но и сокращать нельзя. Кто ещё расскажет о прошлом так, как сделал это Ким Иванович.

Весь текст внимательно, с ручкой в руке, перед публикацией художник прочитал. Предложил, было, его сократить, мол, кому нужны все эти подробности, но я стал убеждать соавтора, что всё это и есть «плоть» истории. Шихов, в итоге, согласился. Текст «Ведомый роком» пошёл в печать. Немного позже в сокращённом виде его публиковал еженедельник «Литературная Россия». А затем он вошёл в мою книгу бесед «В предчувствии Апокалипсиса».

Теперь я не помню, в каком именно году Шихов всё-таки завершил свою задумку с моим портретом, только знаю, что было это летом. С другим художником (и нашим общим другом) А.Ф. Важновым мы приехали в деревню Бурцево по зову Кима Ивановича. В его мастерской чуть ли не под потолком висел натянутым на подрамник только что законченный холст.

Художник ждал нашего отзыва, заметно волновался, курил крепкие сигареты без фильтра «Прима». Молчание затягивалось. И тогда я просто сказал без всяких мудростей то, что пришло на сердце: «Для меня честь, что ты написал такой мой портрет».

После, когда картина будет показана на выставке, мои недоброжелатели упрекнут художника за выбор портретируемого, на что тот ответит: «Поэтому и выбрал». Так это звучало в его пересказе. Абсолютная самостоятельность суждений и оценок — непоколебимая черта характера Кима Шихова.

А тогда в деревенской мастерской художника мы встали под портретом и обнялись. Александр Фёдорович нас сфотографировал. Этот снимок уже многие годы висит на стене моего рабочего кабинета. Вместе с другими подобными. Это даёт ощущение, что дорогие люди всегда рядом. Одно горько — многие из них уже ушли в мир иной.

Теперь вот не стало и Кима Ивановича Шихова.

В последние годы мы всё чаще встречались не в мастерской, а на творческих вечерах и концертах у нас в Союзе писателей. Ким Иванович любил на них бывать. Внимательно слушал выступающих. Редко когда высказывался сам. Но после, за небогатым дружеским столом, всегда находил несколько точных фраз с личными оценками увиденного и услышанного.

Когда вышла книга-альбом «Возвращение к истокам. Ким Шихов: К 85-летию художника», я организовал у себя камерную встречу друзей, чтобы мы вместе могли порадоваться за нашего товарища, высказать ему слова признательности. В тот вечер Ким так подписал мне свой фолиант: «Другу Валерию Сдобнякову! — писателю. Считаю, что наше многолетнее сотрудничество двух творческих союзов плодотворно повлияло на создание культурной среды Н-Новгорода. Спасибо! 25.12.2017 г.».

В завершении скажу: К.И. Шихов на удивление как бы всё успел завершить в своей жизни. Оставить учеников, добрую память, получить звания и награды, написать множество произведений в только ему присущей манере — моментально узнаваемой, шиховской. Работал художник почти до самого последнего срока. Последняя поездка им была совершена на Соловки, в родные места. В результате чего к 85-летию Кима вышла книга-альбом о его жизни и творчестве.

Удивительная судьба. Долгая жизнь. Прощаясь у гроба, говоря обо всём этом я не сдержал слёз.